

Я.В. Зиненко¹, Е.А. Конталева²

^{1,2} Амурский государственный университет
^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
¹yasya11111@mail.ru; ²narbeleth@bk.ru

Я.В. Зиненко

Е.А. Конталева

Религиозный ландшафт Барги первой половины XX в.: монастырь Ганьчжур-суме

Аннотация. В настоящем исследовании авторы обращаются к этнорелигиозному ландшафту Барги первой половины XX в. Официальное название данной территории на китайском языке – Хулунбуирский округ (Хулун-Буир). Это наименование происходит от топонимов двух больших озёр, расположенных в пределах округа – Далай-нор и Буир-нор. Барга (монгольское народное название) – это историко-этнографическая область, этническая карта которой начинается формироваться с XVIII в. Этому активно способствовала переселенческая политика Цинского Китая в земли по приграничным с Халхой и Российской империей территориям. Границы проходили по рр. Амур и Аргунь. Именно территориальная близость, порубежное положение, история формирования данной области в русско-китайском регионе сыграли ключевую роль в стратегии освоения данного края не только кочевыми народами – ламаитами (монголо-буряты, олёты), кочевниками-шаманистами (чипчины, солоны, ороконы), но и ведущими оседлый образ жизни шаманистами (дауры) и православными (русские). В данной статье мы обращаемся к главному монастырю, расположенному в Новой Барге (Шин-Барге) – Ганьчжур-суме, построенному в 1785 г. Он являлся религиозным центром ламаизма и одним из торговых центров в дальневосточном порубежье. Ганьчжурская ярмарка, проходившая на площади около монастыря,

собирала представителей народов Барги и других регионов Китая, Халхи и России (из Забайкалья, Приморья и Амурской области). На территории вокруг монастыря собирались представители буддизма, шаманизма и православия. Опираясь на архивные данные и фотоматериалы авторы статьи описывают территориальное расположение монастыря, его этнокультурную роль в религиозном ландшафте Внутренней Монголии, а также аккумулирует данные, касающиеся монастыря Ганьчжур-суме из разрозненных источников в единый корпус.

Ключевые слова: религиозный ландшафт, Россия, Китай, Ганьчжур, Новая Барга, монастырь, ламаизм, буддизм, шаманизм, православие, ярмарка

Yana V. Zinenko¹, Evgeniya A. Kontaleva²

^{1,2} Amur State University
^{1,2} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russia
¹yasya11111@mail.ru; ²narbeleth@bk.ru

Barga's Religious Landscape in the First Half of the 20th Century: Ganzhur-Sume Monastery

Abstract. The authors study the ethnoreligious landscape of Barga in the first half of the 20th century. The official name of this territory in Chinese is Hulunbuir District. This name comes from the toponyms of two large lakes located within the district – Dalai-nor and Buir-nor. Barga (Mongolian folk name) is a historical and ethnographic region, which ethnic map started forming in the 18th century. This process was actively facilitated by Qing China's resettlement policy in lands bordering Khalkha and Imperial Russia, with borders passing along the Amur and Argun rivers. Territorial proximity, borderline position and history played a key role in developing this region, not only for nomadic Lamaite peoples such as Mongol-Buryats and Olots, nomadic shamans like Chipchins, Solons, Oroqens, but also for Daur, who were sedentary shamanists, and Orthodox Russians. In this article, we refer to the main monastery located in New Barga (Shin-Barga), Ganzhur-sume, which was built in 1785. It was a religious center of Lamaism and one of the trade centers on the Far Eastern borders. The Ganzhur Fair, held on a square near the monastery, brought together participants from Barga and other

regions of China, Khalkha and Russia from Transbaikalia, Primorye and the Amur region. Representatives of Buddhism, Shamanism and Orthodoxy gathered in the territory around the monastery. Based on archival data and photographs, the authors describe the location of the monastery and its ethnocultural significance in the religious landscape of Inner Mongolia. They also collect data on the Ganzhur-sume monastery from disparate sources and integrate them into a coherent whole.

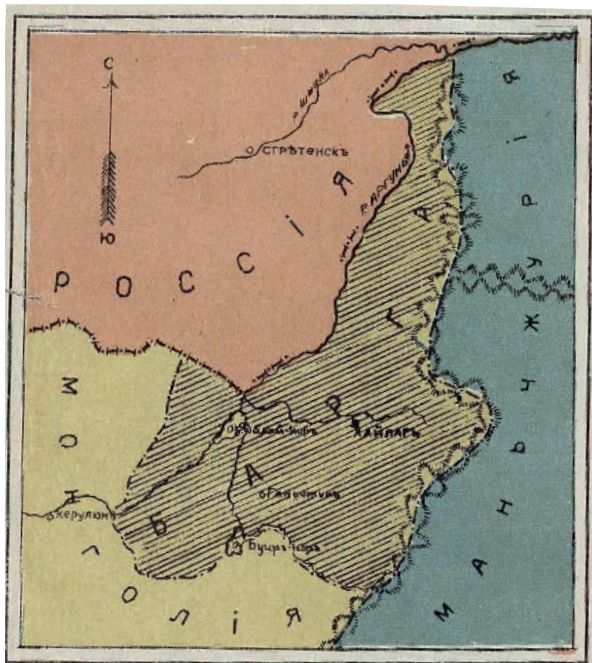
Key words: religious landscape, Russia, China, Ganzhur, New Barga, monastery, Lamaism, Buddhism, Shamanism, Orthodoxy, fair

Введение

В настоящем исследовании мы обращаемся к религиозному ландшафту дальневосточного русско-китайского *порубежья* [Забияко, 2009, 10], а именно к историко-этнографической области под этнотопонимом Барга на северо-востоке Автономного района Внутренней Монголии КНР: «Официально область эта называется китайцами *Кулун-бей-ер-ской* [Хулунбуир, Хулун-Буир. – Авт.]. В произношении местных жителей название это превратилось в Кулунбер [Хулунбер, Хулун-Бер. – Авт.]. Название это произошло от китайского имени двух больших, указанных выше озёр Кулун и Бэй-эр» [Баранов, 1912, 1].

Барга – это народное название на монгольском языке области, которая территориально граничила на севере с Россией, на востоке – с Хэйлунцзянской провинцией, на юге и западе – с Халхой¹: «название Барга народное, монгольское. Дано оно было давно этому краю, вследствие того, что населявшие его разные инородческие племена исповедовали тогда ещё шаманскую веру, в то время, когда соседние с ними халхасы были уже ламаиты, почему халхасы и прозвали их баргутами, что равнозначащее нашему прозвищу нехристи. Отсюда и страна, населённая баргутами, получила своё название Барги» [Баранов, 1912, 1]; «название же “баргуты” можно перевести словами: “тёмные”, “непросвещённые”» [Баранов, 1925, 23] (илл. 1).

С XVII–XVIII в. эти земли активно осваивались кочевыми и оседлыми народами. С XVII в., ввиду отсутствия надёжной пограничной стражи, в регион с хозяйственными целями переходили русские. Со второй половины XIX в. миграционный поток русских в данную область усилился, а после событий Гражданской войны в России в Трёхречье² оказалось более 20 000 русских казаков и крестьян. В первой половине XVIII в. по приказу Цинского правительства Китая регион заселялся даурами, солонями и народами, пришедшими с территории Халхи – например, чипчинами, олётами (старо-баргутами) и монголо-бурятами (ново-баргутами). В XIX в. туда прибывают китайские переселенцы вследствие проведения политики китаизации региона. В китайской историографии миграционный поток ханьцев из внутреннего Китая на территорию Северо-Вос-

Илл. 1. Территория Барги в начале XX в.
По: [Баранов, 1912].

точного Китая получил название «прорыв в Гуаньдун», «переход в Гуаньдун» [Забияко А.А., Чжоу, Лю, Е, 2022]. Заселяя край, его обитатели становились предста-

вителями *фронтирной ментальности* [Забияко А.П., 2009, 10; Забияко А.П., 2010; Забияко А.П., Забияко А.А., 2017]. Обилие межэтнических контактов являлось определяющим фактором сосуществования в поликультурном и полирелигиозном крае в политическом, экономическом, этническом и религиозном аспектах.

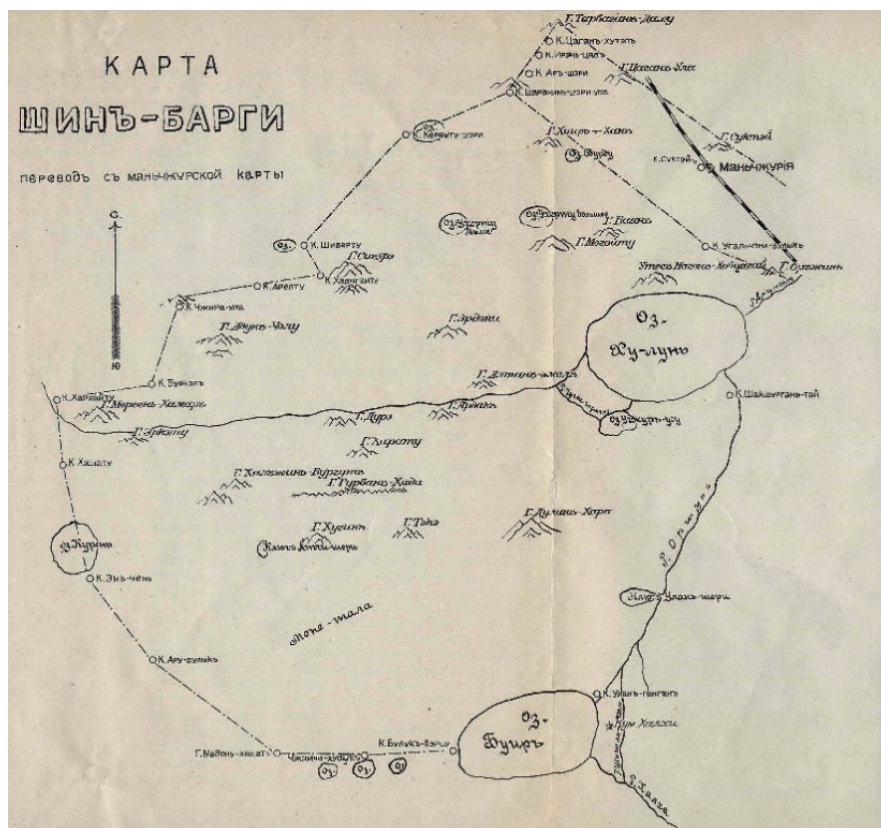
Мозаичность расселения народов в регионе является ярким примером того, что в первой половине XX в. религиозный ландшафт вышеуказанного региона состоял из последователей шаманизма, буддизма, китайской народной религии, православия. В настоящей научной статье мы обратимся к ламаистскому храму, который являлся центром религиозной жизни Новой Барги, так как ламаизм доминировал в Барге по числу верующих. Например, по статистическим данным за 1912 г., представителей ламаистской ветви буддизма на территории Барги было более 17 800 чел., а представителей шаманизма – около 16 000 чел. [Баранов, 1912]. Ярмарка в Ганьчжуре, проходившая раз в год с 1900 по 1930-е гг., была местом культурного и экономического притяжения, несмотря на официальный торгово-экономический и административный центр – г. Хайлар. Ранние сведения о монастыре, которые нам удалось обнаружить, представлены в труде А.М. Баранова 1912 года. В этой работе учёный не только даёт описание монастыря Ганьчжур-суме и приводит легенду о его возникновении, но и указывает на ежегодное проведение ярмарки с начала XX в., отмечая, что она пользовалась популярностью и считалась самым важным культурным и экономическим событием в регионе [Баранов, 1912].

Как свидетельствуют аналитические статьи в «Вестнике Маньчжурии», популярность ярмарки сокращается к 1930-м гг., источников, имеющих к ней отношение, за 1940–50-е гг. на данный момент обнаружено не было. Отметим, что снижению популярности ярмарки способствовали несколько факторов. Во-первых, китаизация региона: с 1906 г. Хулун-Буир был включён в общую административную систему Китая, затем последовала его административная реорганизация и развитие постоянной торговли по приграничной линии [Баранов, 1912]. Во-вторых, усиленный контроль на границах с Внешней Монголией и СССР (после революционных событий 1917 г.), а также взимание высоких торговых пошлин и налогов. Подчеркнём, что со строительством КВЖД в Барге начинает развиваться инфраструктура: появляется центр торговли – г. Хайлар, строится железнодорожная станция «Маньчжурия». Как отмечает С. Урбански, с проведением политических и административных реформ цинский двор разрешает китайским торговцам селиться неподалеку от князей или монастырей, таких как Ганьчжурский, и предлагать товары, которые сами монголы не производили [Урбански, 2023, 123].

На сегодняшний день данные по монастырю Ганьчжур-суме и Ганьчжурской ярмарке являются разрозненными и неактуализированными. Источниковая база исследования строится на русскоязычных статьях из журнала «Вестник Маньчжурии» [Баранов, 1925; Маракуев, 1927; Э.Т., 1933] и работе Алексея Михайловича Баранова (1865–1927), специалиста по монгольскому языку и истории [Баранов, 1912]. Фотоматериалы архива А.С. Лукашкина [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 7.1.5. Оп. 30. Д. 30.2; Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 1–40], а также фотоснимки, которые сопровождали статьи в «Вестнике Маньчжурии» [Маракуев, 1927, 55–57; Э.Т., 1933, 82–88] являются источниками реконструкции религиозной, социальной и политической истории первой половины XX в. на территории Ганьчжура. Примечательно, что статья, опубликованная А.В. Маракуевым, опирается на данные, собранные заведующим Хайларским коммерческим агентством И.В. Токмаковым и агентами Экономического бюро И.Г. Барановым и В.А. Кормазовым. В.А. Кормазову и И.В. Токмакову, а также Л.А. Далевичу принадлежит авторство многих фотографий из архива А.С. Лукашкина. Указанные фотоматериалы представляют большую ценность; часть из них впервые вводится в научный оборот. Фотографии из «Вестника Маньчжурии», к сожалению, не были прокомментированы авторами статей, но они, безусловно, отражают религиозный компонент ярмарки в Ганьчжуре. Объединив в настоящей статье имеющиеся данные, мы реконструируем этнополитические, этнокультурные, этносоциальные процессы, протекавшие на территории Барги в первой половине XX в. и определявшие религиозный ландшафт данного региона.

Монастырь Ганьчжур-суме территориально находился в Новой Барге или Шин-Барге. Новая Барга – район в Барге, образованный в 1735 г. вследствие переселения с территории Халхи монголо-бурятов, принявших подданство Китая (илл. 2).

Хронологические рамки настоящей статьи ограничены её предметом исследования. Мы располагаем сведениями из экспедиций и трудов учёных, а также фотоснимками первой половины XX в.

Илл. 2. Карта Шин-Барги. Перевод с маньчжурской карты.
По: [Баранов, 1912].

Религиозная ситуация и культовые сооружения в Барге

По данным, которые в 1912 г. публикует А.М. Баранов, монастырь Ганьчжур-суме определён как один из пяти главнейших буддийских монастырей, построенных в Барге: Хуху-суме (амбань-суме), Баин-хошу-суме, Цзянь-цзюнь-суме, Ольт-хошу-суме, Ганьчжур-суме. Исследователь отмечает, что, судя по постройке имеющихся в Барге ламаистских храмов, распространение буддизма среди баргутов началось только в конце XVIII в. Этот факт был непосредственно связан с тем, что ново-баргуты (монголо-буряты) перешли в этот регион с территории Халхи в 1734 г., а в 1735 г. официально приняли китайское подданство, о чём свидетельствуют исторические китайские источники. По религиозному вероисповеданию ново-баргуты традиционно относились к ламаистам. Переселившись на новые земли, они начинают строительство монастырей и кумирен [Баранов, 1912] (илл. 3).

Отметим, что всего в Барге насчитывалось 23 буддийских монастыря и кумирни, из них: пять главных монастырей, одна кумирня под вопросом (лично А.М. Барановым она посещена не была, а вписана в статистику со слов местного населения), кумирня Угомыр-суме, построенная в хошуне³ Кувот-цаган, была разрушена и разграблена во время событий 1900 г. В народе баргуты её называли Евдерха-суме, что в переводе означало «разрушенная», «развалины» [Баранов, 1912, 38–40].

Монастыри были только в ольтском и монгол-бурятских хошунах, а население делилось на мирян (*хара*) и клир. В статистических данных, собранных разведкой Штаба Заамурского Округа Пограничной стражи [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 7.1.5. Оп. 30. Д. 30.2] указано, что из олётгов (ольтов, элютов или урянхайцев. – Авт.) каймлёно-жёлтого знамени⁴ по официальному списку от 6 апреля 1916 г. поступивших в ламы – 4 чел., вернувшихся из лам в мир – 2 чел. По монголо-бурятам (ново-баргутам) на 13 и 14 апреля 1916 г. (таблицы 1 и 2) ситуация была следующая:

Таблица 1. Из Новых Баргут: по официальному списку от 13 апреля 1916 г., левое крыло

№	Цвет знамени	Поступивших в ламы сыновей	Вернувшихся из лам в мир парней
1	Каймлёное жёлтое	6	нет
2	Одноцветно-белое	7	1
3	Каймлёное белое	4	2
4	Одноцветно-синее	5	3
Всего		22	6

Таблица 2. Из Новых Баргут: по официальному списку от 14 апреля 1916 г., правое крыло

№	Цвет знамени	Поступивших в ламы сыновей	Вернувшихся из лам в мир парней
1	Одноцветно-жёлтое	8	1
2	Одноцветно-красное	Нет	нет
3	Каймлёное красное	Нет	2
4	Каймлёное синее	Нет	1
Всего		8	4

В хошунах солонов и чипчинов монастырей не было. Несмотря на распространение буддизма и численное преимущество его последователей, солонь, чипчины (старо-баргуты), дауры, ороконы традиционно оставались приверженцами шаманизма. Буддисты считали их веру «чёрной» и побаивались их: «С переездом на чипчинские и солонские кочевья невольно бросается в глаза полное отсутствие на них лам. Даже случайно, проездом, попадающие сюда ламы чувствуют себя неловко, опасаясь неприязненных выходок со стороны местных жителей, исповедывающих шаманскую веру и не признающих духовного значения лам» [Баранов, 1912, 40; Зиненко, Конталева, 2023, 33–41]. В 1933 г. Э.Л. Теслер констатирует, что на ярмарку в Ганьчжурском монастыре ожидался подход монголов всех восемнадцати хошунов – то есть, населения всей Барги, – но явились только монголы левого крыла Барги, близлежащего к Ганьчжурскому монастырю. Отсутствовали солонь, чипчины и чэнэхенские буряты⁵, то

Илл. 3. Ламаитский монастырь в хошуне Гуль-Хулу, по дороге в Ганьчжур. Халхин Халун Артан. Фото В.А. Кормазова. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 7].

есть те, кто считался шаманистами [Э.Т., 1933, 82]. Это свидетельствовало о том, что ежегодная ярмарка в Ганьчжуре теряла своё торгово-экономическое значение среди местного населения, не исповедовавшего ламаизм. И, как мы далее увидим, ярмарка постепенно стала превращаться в повод для отправления традиционных культовых практик, нежели являться местом поликультурного, полиэтнического и торгово-экономического значения.

Монастырь Ганьчжур-суме как один из центров экономической жизни Барги

Монастырь Ганьчжур-суме был построен в 1785 г. В Барге этот монастырь был построен ранее всех, следовательно, его считали главным монастырём Новой Барги или Шин-Барги (илл. 4). Из предания, записанного А.М. Барановым, следует:

«раньше, чем был выстроен монастырь, богдыхан прислал для Шин-Барги ганьчжур⁶, т.е. священные книги. Для хранения этих книг сначала построили было близь горы Эхе-ула, недалеко от реки Ариуни фанзу, но затем место это, оказалось, по недостатку хорошей воды неудобным, и монастырь построили на нынешнем месте и перенесли туда ганьчжур, а прежнее обозначили обоном, называющимся Ганьчжур-харе. Имя своё монастырь

Илл. 4. Вид части Ганьчжурского монастыря в степи.

Фото Л.А. Далевича. 1927 г.

[ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 4].

сохранил в народе прежнее, от названия книг священного писания (ганьчжур), хотя ему впоследствии и дано было богдыханом Сасиалту Иругелту официальное имя Ульцзы-энхэчжигулакчи. В ознаменование этой милости поставлен был камень, на котором высечено: “Кулунберской [Хулунберской. – Авт.] Шин-Барги восьми хошунов большое и малое начальство, и ламы, и многие войска, и народ, все с усердием и почтением к богдыхану собравшись по случаю великого радостного события – пожалования за многолетнюю службу имени (храму сему) – Ульцзы-энхэчжигулакчи, собрав 1000 лан, пожертвованные присутствовавшими на торжестве Даскун Угурдою-Номхо, Цзевуль угурдою Лаван Сономом, Даскунским ширет ламою Лобсан Дампилом, а также многим прочим начальством, ламами и народом, постановили воздвигнуть сей камень с надписью на крепкую впоследствии память. Правления богдыхана Сасиалту-Иругелгу 14 год желтоватой змеи, 9-й месяц, 1-й день, в полдень”» [Баранов, 1912, 38].

Таким образом, монастырь официально начал функционировать в 1809 г. Этот год, по мнению А.М. Баранова, необходимо считать годом официального признания в Новой Барге (Шин-Барге) буддизма как доминирующей религии. Монастырь Ганьчжур-суме считался самым большим в Барге, что подтверждается штатным расписанием: ширетов (настоятелей) – 2, да-лам – 2, нирба-лам (казначеев) – 2, гескуев (наставников по дисциплине) – 8 (илл. 5).

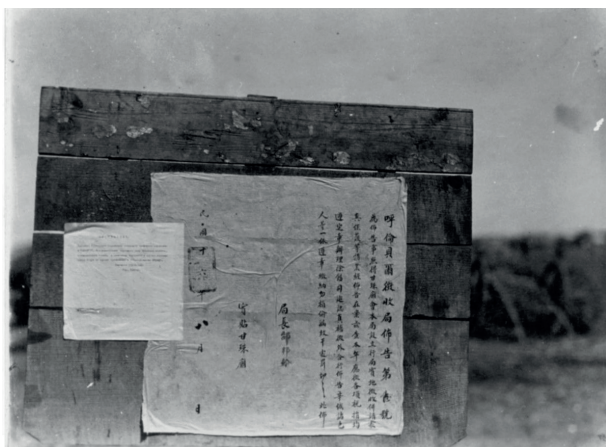
Ежегодная ярмарка, которая проходила на территории близ монастыря Ганьчжура, имела большое значение для экономической, политической, религиозной деятельности Барги (илл. 6). Дата проведения ярмарки высчитывалась по лунному календарю, в связи с чем ярмарка проходила в различные даты, примерно с 1 августа по 10 сентября, и обычно длилась неделю. А.М. Баранов фиксирует: «Съезд на ярмарку начинается с 20 числа 7 луны. Открытие ярмарки происходит 1-го числа 8 луны. Продолжительность ярмарки самое большое до 15-го числа 8 луны» [Баранов, 1912, 46]. Например, в 1927 г. ярмарка открылась 27 августа [Маракуев, 1927, 55]. Э.Л. Теслер в статье «Ганьчжурская ярмарка 1933 года» указывает: «С давних пор, вплоть до 1915 года, Ганьчжурская ярмарка являлась местом товарообмена меж-

ду Монголией, Китаем и русским Дальним Востоком. В течение многих десятилетий, ежегодно, к 1-му числу 8-го месяца по лунному календарю (в конце сентября) к Ганьчжурскому монастырю, по дорогам, пересекающим Монголию во всех направлениях и сходящимся у «Монастыря вечно-го спокойствия» [Э.Т., 1933, 82]. Несмотря на небольшое расхождение в датировках, топографическая специфика региона и традиционный образ жизни кочевников влияли на определение даты проведения ярмарки в связи с необходимостью пополнения запасов к затяжному зимнему сезону (илл. 7).

Ярмарка проходила в степи к югу от монастыря Ганьчжур. Там на организованных заранее местах устанавливались ряды. Подготовка начиналась задолго до начала самой ярмарки. Прибывавшие располагались лагерем в четырёх километрах от Ганьчжурского монастыря, охватывая круг радиусом до трёх километров [Э.Т., 1933, 82; Баранов, 1912, 46]. Традиционно на ярмарку съезжались китайцы, монголы и представители местных народов. Очевидцы отмечали, что китайские купцы на ярмарку съезжались из Пекина, Долон-нора, Калгана, Цицикара и Хайлара; русские – из Забайкалья, Амурской области и из посёлков полосы отчуждения КВЖД [Баранов, 1912, 46] (илл. 8, 9, 10, 11). Проходили караваны из Центрального Китая, обозы из Приморья и Забайкалья и аинчины из самых отдалённых районов монгольского кочевья [Э.Т., 1933, 82]. Помимо жителей приграничной полосы, на ярмарке всегда присутствовали высшие чины управления регионом, что подчёркивало статус ярмарки: «Кроме монголов и коммерсантов, ярмарку посетили помощник Управляющего КВЖД, г. Го, представители ЮМЖД, консул СССР из Хайлара и аме-

Илл. 5. Группа молодых лам-монахов Ганьчжурского монастыря. Фото Л.А. Далевица. 1927 г.
[ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 4].

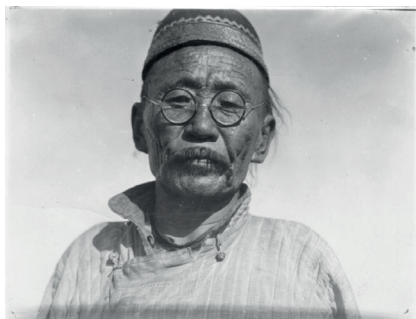

Илл. 6. Объявление Хайларского ямыня в Ганьчжурском монастыре на китайском и русском языках об открытии ярмарки. Фото Л.А. Далевица. 1927 г.
[ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 2].

Илл. 7. Общий вид на торговые ряды в Ганьчжуре. Типичные для монголов Барги летняя палатка и двухколёсная арба с деревянной бочкой для воды. Фото Л.А. Далевица. 1927 г.
[ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 8].

риканский консул из Харбина. Как и всегда, все посетившие заняли заранее намеченные администрацией ярмарки места, центральное место занимали юрты китайских и монгольских властей, таможенных чиновников и банка Гуан-синь-гунсы. Вокруг них были отведены места для торговых рядов и немного в отдалении осели из отдельности, прикочевавшие баргинские хошуны» [Маракуев, 1927, 56]. «Для официального открытия ярмарки в старину приезжал сам амбань⁷, в позднейшее время стали присылать из ямыня⁸ чиновников. Кроме баргут на ярмарку съезжаются монголы из Халхи и Южной Монголии, преимущественно из Шилинголского сейма» [Баранов, 1912, 47].

Илл. 8. Даур-переводчик из Хайларского ямыня. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 38].

Илл. 10. Крупные коммерсанты-китайцы из Хайлара в европейской одежде. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 27].

Илл. 9. Солон на Ганьчжурской ярмарке. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 32].

Илл. 11. Русские шофёры легковых и грузовых машин на ярмарке. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 16].

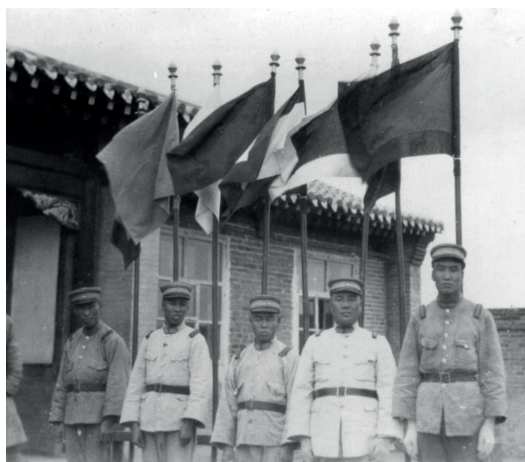
Всё это отражало политическую ситуацию в 1927 г.: ярмарка контролировалась китайскими чиновниками и солдатами из местного населения в китайском обмундировании, что говорит о продолжающейся китаизации региона. Тем не менее, сохранялись и деление на хошуны и знамёна, и статус монгольских князей в Барге. Фото-снимки ярмарки в Ганьчжуре 1927 г. запечатлели монгольских князей Барги, юрты китайских чиновников, хошунные знамёна Барги и монгольских солдат, монгольских сановников и офицеров и др. (илл. 12, 13).

Традиционно до официального открытия ярмарки и прибытия администрации, купцов и всех желающих торговать строго запрещалось. Для наблюдения за порядком назначался хован с несколькими полицейскими. Нарушителей тут же перед палаткой хована наказывали палками [Баранов, 1912, 47].

А.В. Маракуев отмечал, что торговые ряды, как и прошлые ярмарки, делились на русский, китайский, лошадный и щепной [Маракуев, 1927, 56], однако постепен-

Илл. 12. Монгольские князья Барги в старинных мандаринских шляпах на ярмарке. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 2].

Илл. 13. Хошунные знамёна Барги и монгольские солдаты в китайском обмундировании. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 3].

но, как мы отмечали выше, ярмарка начинает приходить в упадок: «Год от году Ганьчжурская ярмарка сходит на нет. Закрытие границ и отсутствие на ярмарке монголов приграничных районов, проникновение в глубь Барги кочевых, а также постоянных лавок, снабжающих кочевников всем необходимым в течение целого года, развитие торгово-промышленной жизни пристанционной полосы, – всё это умалило торговое значение ярмарки. Местным народом, постоянно кочующим в Барге или живущим оседло, отпадает необходимость ехать на ярмарку за покупками или продавать свой скот на ней. Большие налоги заставили монголов и коммерсантов заключать сделки вдали от ярмарки, вдали от китайских чиновников. Сборы, пошлины и налоги, взимаемые, монгольскими и китайскими властями в русском ряду, были следующие (в бум. долл.): за наём юрты – 30; за место для юрты – 4; за место для палатки – 2. Этот сбор идет в пользу монгольского ямыня» [Маракуев, 1927, 57].

В целом из статей современников ярмарки 1920–30-х гг. следует, что главными причинами потери интереса к ярмарке в Ганьчжуре были:

1. Отсутствие народонаселения на приграничных территориях вследствие закрытия границ с Россией и особенно – с Халхой, т.к. Халха была главным поставщиком скота на ярмарку и, следовательно, наибольшим потребителем провозимых туда товаров [Э.Т., 1933, 82].

2. Высокие налоги на торговые сделки, что приводило к проведению сделок за пределами ярмарочной площади Ганьчжура.

3. Появление и развитие торговых постоянных площадок в регионе, которые снабжали кочевые народы весь год необходимыми товарами. В связи с заселением линии КВЖД, в районе, прилегающем к Барге, стала развиваться инфраструктура больших торговых компаний и предприятий, например, в Трёхречье крупная торговая ниша была занята филиалом фирмы «Чури и Ко», отделением магазина Брусенцева и гостиницей [Шестаков, 1943, 193]. Это способствовало активному развитию торговых отношений с приграничными территориями и вытеснению мелких купцов и местных производителей [Маракуев, 1927, 57; Э.Т., 1933, 83].

Религиозный компонент монастыря Ганьчжур-суме и ганьчжурской ярмарки

Фотографии архива А.С. Лукашкина и снимки, сопровождавшие статьи экономико-аналитического характера в «Вестнике Маньчжурии», фиксируют ламаистские традиции, духовные лица, религиозные предметы буддийского культа, архитектуру монастыря и священные места вблизи него.

Обратимся к духовным лицам. В статье под авторством А.В. Маракуева помещён фотоснимок ганьчжурского гэгэна [Маракуев, 1927, 57]. Гэгэн – высший духовный титул для людей, потрудившихся на духовном поприще во благо буддизма. Гэгэ-

ны считались переродившимися буддийскими святыми. Такие перерожденцы по-монгольски называются *хубилганами* (тиб. *тулку*) и, как считается, должны вновь переродиться после смерти.

Этот же снимок хранится в фотоальбоме архива А.С. Лукашкина за подписью «Гэгэн-Хутухта Ганьчжурского монастыря» (илл. 14). *Хутухта* – это ещё один титул, который, наряду с *гэгэном*, получают перерожденцы святых. Титул *хутухта* в основном даруется тем, кто усердно трудится в пользу буддизма, т.е. за общественную деятельность. А.В. Маракуев отмечал, что Ганьчжур будет привлекать к себе монголов преимущественно как религиозный центр, где проживает перерожденец – *гэгэн* [Маракуев, 1927, 57].

Духовные лица Ганьчжура представлены также буддийскими монахами и ламами. Некоторые из них позируют для фото: «Красивый потомок Чингисхана на вороном иноходце, в шёлковом халате и расшитой шёлком и золотом шапочке» (илл. 15) или совершают моления на базарной площади (илл. 16). На одном из снимков странствующий монгольский монах одет в традиционные буддийские одежды, на шее у него – буддийские чётки, на голове – традиционная шапка, а в руках – буддийская «хоругвь» (илл. 17).

Фотографии архива А.С. Лукашкина передают специфические традиции тибетского буддизма. Напри-

Илл. 14. Гэгэн-хутухта Ганьчжурского монастыря. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 5].

Илл. 15. Один из старших лам Ганьчжурского монастыря. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 28].

Илл. 16. Религиозное шествие с буддийскими хоругвями во время моления по случаю открытия ярмарки. Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 34].

мер, на одной из фотографий изображён монах-отшельник с чашей из человеческого черепа (илл. 18). Такая чаша называется *капала* или *габала* (санскр. «черепа», «чаша», тиб. «тход па») – сосуд, сделанный из верхней части человеческого черепа, используемый для ритуальных целей, часто – в обряде поклонения *дхармапалам* («защитникам веры») – свирепым тантрическим божествам индуизма и тибетского буддизма. В тибетской традиции ритуальную чашу используют для подношения *дхармапалам* вина или особых лепёшек, «выпеченных в форме человеческих глаз, ушей и языков» [Всемирная энциклопедия, 2004, 393]. Такие чаши в Тибете зачастую

Илл. 17. Лама-священник с буддийской хоругвью во время молебствия с обходом торговых рядов при открытии ярмарки в Ганьчжуре. Фото Л.А. Далевица. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 6].

Илл. 18. Монах-отшельник с чашей капала (габала) из черепа девочки, украшенной золотом и серебром. Фото Л.А. Далевица. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 6].

богато украшались золотом и драгоценными камнями [Габала, <https://agamuzey.ru/novosti/gabala-ritualnaya-chasha-iz-cherepa/>]. В тибетском буддизме человеческие останки до сих пор используются и в других ритуалах – например, ритуале *чод*, смысл которого заключается в предложении своего тела в пищу духам и демонам и переживании его пожирания ими. В этом ритуале используется особый барабан *дамару*, сделанный из двух верхних сегментов черепов, а также специальная флейта *ганлин*, выполненная из бедренной или большеберцовой кости [Beer, 2003, 107–111].

Следующая группа фотоснимков – это архитектура и священные места буддистов вблизи монастыря. Например, на одном из снимков запечатлён *обо* в виде небольшого куста, украшенного ленточками и обложенного камнями (илл. 19). *Обо* (обоо, обон; бур. дословно «куча, груда, насыпь») – культовое сооружение, место поклонения духам или божествам. *Обо* распространены в культуре монголов, бурятов, тувинцев и др. Первоначально обо были частью шаманской культуры, но постепенно были включены и в буддийскую обрядность. Внешне *обо* представляют собой кучи из камней или дерева, украшенные ленточками или флажками. Все элементы (камни, ленты, флажки) являются подношениями, которые могут дополняться монетами, гильзами и др. Располагаются обычно в приметных местах. Считается, что *обо* влияют на погоду, урожай, благополучие человека. С распространением буддизма *обо* приобрели усложнённую форму вплоть до сооружений белого цвета [Константинов, Руденко, Янков, <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=6791>].

Илл. 19. Обо на одном из небольших холмиков вблизи Ганьчжурского монастыря, постройки которого видны на дальнем плане. Фото Л.А. Далевица. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 7].

В Барге *обо* располагались также по течению р. Аргуни и по четырём сторонам оз. Далай-нор в знак их посвящения богу. По легенде, в самом начале существования Барги случилось бедствие – сначала начался падёж скота, а затем – массовая гибель людей, которые в сильную жару стали питаться рыбой. Чтобы умиротворить «бурханов», ламы решили сделать водоёмы заповедными [Баранов, 1912, 9].

Храмы в Ганьчжурском монастыре были богато украшены, с большим количеством традиционного орнамента (илл. 20).

Некоторые снимки Ганьчжурской ярмарки запечатлели торговлю религиозными предметами культа, которые были представлены в ярмарочных рядах 1927 г. (илл. 21, 22). Как отмечал А.В. Маракуев, в 1927 г. в лавке-палатке китайского ряда продавались «картины ламайского культа, конфеты-монпансье в жестяных банках, сигареты марки Ха-да-мын, японский сахар кубиками по 50 цент. коробка, курительные свечи, перочинные ножи, мыло простое, кусковое, из Хайлара, свечи стеариновые, большой кожаный барабан для кумирни» [Маракуев, 1927, 56]. Цены измерялись в долларах: например, предмет религиозного культа – столик для бурханов – в 1927 г. можно было приобрести за 3 бумажных доллара.

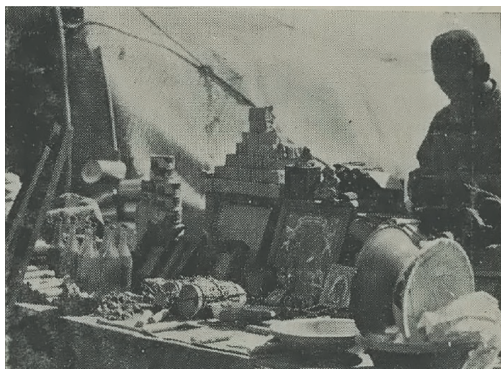
Илл. 20. Один из богато украшенных буддийских храмов Ганьчжурского монастыря. Фото Л.А. Далевица. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 4].

Э.Л. Теслер отмечает, что монголы охотно покидали свои обычные места кочевий для того, чтобы к назначенному сроку прибыть к Ганьчжурскому монастырю. Прежде всего сюда их влекла их установившаяся столетиями традиция моления, затем – возможность продать скот по наилучшей конкурентной цене. Люди ехали к монастырю с надеждой получить отпущение грехов и исцеление путём совершения особого обряда хождения вокруг его стен с прикрепленным на спине свёртком священных книг или жертвоприношением богам:

«В храмовый праздник “Ганьчжура” к монастырю стекаются тысячи богомольцев. Многие из них, во очищение грехов и по обету, носят на спине вокруг монастыря связки священных книг “Ганьчжур”» [Маракуев, 1927, 57] (илл. 23, 24). И, наконец, многих влекла возможность повидать своих сыновей, отданных в монастырь для получения духовного звания ламы [Э.Т., 1933, 82–83].

Заключение

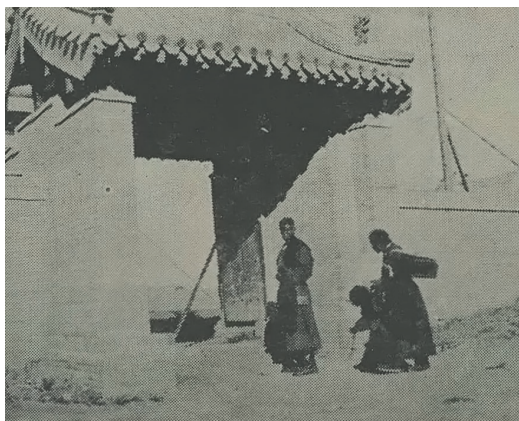
Монастырь Ганьчжур-суме, построенный в XVIII в. после перехода под китайское подданство монголо-бурятов с территории Халхи, являлся не только самым большим в Барге буддийским комплексом и считался главным в данном регионе, но и до 30-х гг. XX в. также отражал ежегодную политическую

Илл. 21. Торговля предметами религиозного культа, наливками и др. По: [Маракуев, 1927, рис. 13].

Илл. 22. Ларёк с чётками и игрушками на ярмарке. Фото Л.А. Далевица. 1927 г. [ЦИДВЭ АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 35].

обстановку, был торговой площадкой и зоной межкультурного общения. Несмотря на уходящий в прошлое торгово-экономический интерес, в связи с развитием на территории Барги постоянной торговли и проведения политики в отношении китаизации региона, а также составляющая. Название «Ганчжур» мон-священных текстов, которое хранилось прихожанами в обрядах очищения от гр-посещения родственниками лам и их уче-дов и участия в торжественной процесси-монастыря был большой штат служителей Барги первой половины XX в. Ганчжу-тров буддийской религии и культуры. Бу-из доминирующих религиозных направ-которая получила своё распространени-олётов. Все культовые сооружения буд-располагавшегося в Старой Барге, были и

Илл. 24. «Монгольская женщина
в традиционном серебряном уборе <...>
За спиной она держит Ганьчжурские
священные книги и должна обойти
кругом монастырь несколько раз, и тогда
ей отпустятся прегрешения».
Фото Л.А. Далевича. 1927 г. [ЦИДВЭ
АмГУ. Ф. 17.2.2. Оп. 47. Д. 47.6. Л. 29].

Несмотря на численное преимущество последователей тибетского буддизма на данной территории, он существовал там бесконфликтно и органически вписывался в религиозный ландшафт местности, где проживали представители шаманизма (солоны, дауры, ороконы в Старой Барге или Хучин-Барге) и православия (русские в Трёхречье).

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога

ЦИДВЭ АМГУ – Центр изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета (г. Благовещенск)

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00807 «Религиозный ландшафт дальневосточного порубежья России и Китая: история формирования и современное состояние».

The research was supported by a grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00807 «The religious landscape of the Far Eastern borderlands of Russia and China: the history of formation and the current state».

Библиографический список

1. Археология и этнография Приамурья / А.П. Забияко, Ван Цзюньчжэн, Д.П. Волков [и др.]; отв. ред. А.П. Забияко; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Амур. гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – 423 с.
2. Баранов, А.М. Барга / А.М. Баранов // Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1925. – № 8–10. – С. 16–26.
3. Баранов, А.М. Барга / А.М. Баранов. – Харбин, 1912. – 59 с.
4. Барга. Ганьчжурская ярмарка 1927 года. Фотографии Л.А. Далевича и других (В.И. Токмаков, В.А. Кормазов) // ЦИДВЭ АмГУ. Фонд А.С. Лукашкина (Ф. 17.2.2). Оп. 47. Д. 47.6. Л. 1–40.
5. Всемирная энциклопедия: Мифология / Гл. ред. М.В. Адамчик; гл. науч. ред. В.В. Адамчик. – Минск: Современный литератор, 2004. – 1088 с.
6. Габала – ритуальная чаша из черепа [Электронный ресурс] // Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова: офиц. сайт. – URL: <https://agamuzey.ru/novosti/gabala-ritualnaya-chasha-iz-cherepa/> (дата обращения: 28.10.2024).
7. Данные разведки Штаба Заамурского округа пограничной стражи о распределении Новых Баргут, Элютов, Ороньонов и Солонов (В оригинале на 3-х больших таблицах). Рукописный и машинописный текст. 1916 г. // ЦИДВЭ АмГУ. Фонд А.С. Лукашкина (Ф. 7.1.5). Оп. 30. Д. 30.2.
8. Забияко, А.А. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературоведческой парадигме XX–XXI в. / А. А. Забияко [и др.] // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14 / Под. ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. – С. 288–298.
9. Забияко, А.П. Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – С. 6–11.
10. Забияко, А.П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкротова; под. ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 412 с.
11. Забияко, А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности / А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.
12. Зиненко, Я.В. Вклад В.А. Кормазова в развитие этнографических исследований в Маньчжурии первой половины XX в. / Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14. Сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. – С. 253–265.
13. Зиненко, Я.В. Художественная этнография в Маньчжурии в начале XX Века (избранная библиография) / Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Сборник научных работ. Вып. 8 / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск, 2021. – С. 172–178.
14. Зиненко, Я.В. Этнографические экспедиции к народам Барги в первой половине XX века / Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. Материалы научно-практической конференции. К 20-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – Благовещенск, 2023. – С. 33–41.
15. Константинов, М.В. Обо [Электронный ресурс] / М.В. Константинов, Ю.Т. Руденко, А.Г. Янков // Энциклопедия Забайкалья: офиц. сайт. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=6791> (дата обращения: 05.11.2024).
16. Маракуев, А.В. Ганьчжурская ярмарка / А.В. Маракуев // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 9. – С. 55–57.
17. Урбански, С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы / С. Урбански. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 480 с.
18. Шестаков, М. Благодатное Трёхречье / М. Шестаков // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г. Сборник статей о казаках и казачестве. – Харбин, 1943. – С. 192–195.
19. Э.Т. Ганьчжурская ярмарка 1933 года / Э.Т. // Вестник Маньчжурии. – 1933. – № 18–19. – С. 82–88.
20. Beer, R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols / R. Beer. – Chicago&London: Serindia Publications, Inc., 2003. – 262 p.

*Текст поступил в редакцию 20.01.2025.
Принят к печати 20.02.2025.
Опубликован 26.06.2025.*

¹ Халха – историческая область Монголии, земли к северу от пустыни Гоби. У маньчжуров данная территория получила название «Внешняя Монголия».

² Историко-культурная область расселения русских в северной части Автономного района Внутренней Монголия (КНР). Расположена в бассейне трёх рек, правобережных притоков реки Аргунь: Ган, Дэрбул и Хаул.

³ Хошун – административно-территориальная единица в автономном районе Внутренняя Монголия, КНР.

⁴ «Восемь знамён», «Восьмизнамённые войска» – военные и административные подразделения при поздней династии Цзинь и династии Цин в Китае, учреждённые ханом Нурхаи в 1614 г. Система знамён как организационная структура распространялась на всё маньчжурское общество. Знамёна были представлены в 4-х цветах и делились на «основные» и «окаймлённые». Жёлтое, белое и синее знамёна имели красную кайму, а красное знамя – белую.

⁵ Шэнхээнские буряты – этнотерриториальная группа бурятского этноса. Проживают в местности Шэнхээн Эвенкийского хошуна городского округа Хулун-Буир Внутренней Монголии. Название с бурятского можно перевести как «новый» (т.е. «новая земля», «новое место жительства»).

⁶ Тиб. Ганджур, Ганьчжур – букв. «Переводы сказанного Буддой Шакьямуни», первая часть тибетского буддийского канона, собрание текстов, переведённых с санскрита и др. языков.

⁷ Маньч. амбань – высший провинциальный чиновник, по функциям близкий к губернатору.

⁸ Кут. ямынь (ямэнь) – присутственное место, резиденция чиновника и его помощников.

References

1. *Aginskiy natsional'nyy muzey im. G. Tsybikova: ofits. sayt* [Aginsky National Museum named after G. Tsybikov: official website]. URL: <https://agamuzey.ru/novosti/gabala-ritualnaya-chasha-iz-cherepa/> (accessed on October 28, 2024) (in Russian).
2. Baranov A.M. *Barga*. Harbin, 1912, 59 p. (in Russian).
3. Baranov A.M. *Vestnik Man'chzhurii* [Manchurian Monitor]. Harbin, 1925, no. 8–10, pp. 16–26 (in Russian).
4. Beer R. *The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols*. Chicago&London: Serindia Publications, Inc., 2003. 262 p.
5. E.T. *Vestnik Man'chzhurii* [Manchurian Monitor]. 1933, no. 18–19, pp. 82–88 (in Russian).
6. Konstantinov M.V. Rudenko Yu.T., Yankov A.G. *Entsiklopediya Zabaykal'ya* [Encyclopedia of Transbaikalia]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=6791> (accessed on November 5, 2024) (in Russian).
7. Marakuev A.V. *Vestnik Man'chzhurii* [Manchurian Monitor]. 1927, no. 9, pp. 55–57 (in Russian).
8. Shestakov M. *Vestnik kazach'ey vystavki v Kharbine 1943 g. Sbornik statey o kazakakh i kazachestve* [Bulletin of the Cossack exhibition in Harbin, 1943. Collection of articles on Cossacks and Cossacks]. Harbin, 1943, pp. 192–195 (in Russian).
9. *TsIDVE AmGU. Fond A.S. Lukashkina* [Center for Studying Russian Émigré Community in the Far East of the Amur State University. A.S. Lukashkin's Fund]. Fund 17.2.2. Inventory 47. File 47.6, fols. 1–40 (in Russian).
10. *TsIDVE AmGU. Fond A.S. Lukashkina* [Center for Studying Russian Émigré Community in the Far East of the Amur State University. A.S. Lukashkin's Fund]. Fund 7.1.5. Inventory 30. File 30.2 (in Russian).
11. Urbanski S. *Za stepnym frontom: istoriya rossiysko-kitayskoy granitsy* [Beyond the steppe frontier: the history of the Russian-Chinese border]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 480 p. (in Russian).
12. *Vsemirnaya entsiklopediya: Mifologiya* [World Encyclopedia: Mythology]. Chief ed. M.V. Adamchik; sc. ed. V.V. Adamchik. Minsk: Sovremennyy literator Publ., 2004, 1088 p. (in Russian).
13. Zabayako A.A., et al. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Vyp. 14* [Russia and China on the Far Eastern borders. Issue 14]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2022, pp. 288–298 (in Russian).
14. Zabayako A.P. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkie i kitaytsy: regional'nye problemy etnokul'nogo vzaimodeystviya. Vyp. 9. Sbornik materialov mezhduna-rodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia and China on the Far Eastern borders. Russians and Chinese: regional problems of ethnocultural interaction. Issue 9. Collection of materials of the international scientific and practical conference]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2010, pp. 6–11 (in Russian).
15. Zabayako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and Chinese: ethnomigration processes in the Far East]. Ed. A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009, 412 p. (in Russian).
16. Zabayako A.P., Wang Junzheng, Volkov D.P. et. al. *Arkheologiya i etnografiya Priamur'ya* [Archeology and ethnography of the Amur region]. Ed. by A.P. Zabayako. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2023, 423 p. (in Russian).
17. Zabayako A.P., Zabayako A.A. *Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russians in Trekhrechye: Foundations of Ethnic Identity]. – Novosibirsk: IAET SO RAN, 2017, 340 p. (in Russian).
18. Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. K 20-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoy oblasti* [East Asia: problems of studying and preserving the historical and cultural heritage of the region. Materials of the scientific and practical conference. To mark

the 20th anniversary of the Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region.]. Blagoveshchensk, 2023, pp. 33–41 (in Russian).

19. Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Vyp. 14. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Dal'nevo-stochnyy frontir: Istoricheskiy forum"* [Russia and China on the Far Eastern borders. Issue. 14. Collection of materials of the international scientific conference "The Far Eastern Frontier. Historical Forum"]. Eds. A.P. Zabiyako, A.A. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t Publ., 2022, pp. 253–265 (in Russian).

20. Zinenko Ya.V., Tsmikal O.E. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove. Sbornik nauchnykh rabot. Vyp. 8* [Russian Harbin, imprinted in the word. Collection of scientific papers. Issue 8]. Eds. A.A. Zabiyako, G.V. Efendieva. Blagoveshchensk, 2021, pp. 172–178 (in Russian).

Submitted for publication: January 20, 2025.

Accepted for publication: February 20, 2025.

Published: June 26, 2025.